

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Dimas

Произведение это раскрывает события, происходящие весной 1943 года, когда происходило великое противостояние немцев, захвативших Жуковку, и партизан. К сожалению, человек, не знакомый с реалиями группы 96-ПО БГТУ, не сможет постигнуть всю глубину этого произведения. Постижению глубин также может помешать мой почерк, но...

Да, приношу извинения за многочисленные ошибки (особенно много их будет во второй половине, так как писалась она без черновика), а также за сознательное искажение образов героев. Так уж получилось.

Ну что ж, в путь...

— DIMAS

— Дай лодку, братан, не жмодись,— дед Мазай скорчил жалостливую, по его мнению, мину и затряс клочковатой бородой.

Командир партизан Каппа задумчиво посмотрел на безумного деда, поглаживая верный арифмометр.

— Дед, ты спятил. Нам рельсы взрывать надо, а ты зайцы, зайцы..,— Каппа зевнул и поправил керосиновую лампу, висевшую под потолком землянки.— Шёл бы ты...

— А и пойду,— встопорщил бороду дед,— к фрицам пойду, так-то!

— Ну что ж,— Каппа почесал кучерявую голову, в результате чего на стол перед ним упала блоха,— сержант Шипицин! — гаркнул он, с грохотом опуская арифмометр на животное.

В соседней камерке послышалась возня, что-то подозрительно загремело, и наконец показался Лёха Шипицин, не преминув треснуться лбом о притолоку.

— Чего?..

— Не «чего», а «по приказанию явился»! — разъярился Каппа, старательно отворачиваясь, чтобы не чувствовать запах самогона, льющийся из камерки.— Расстреляй деда.

— Дак это мы щас,— радостно засуетился Лёха, подмигивая деду.

— У, ироды,— застонал Мазай, задирая голову к потолку.— Гринписа на вас нету.

Лёха скрылся в камерке, и опять там что-то завозилось и загремело. Вскоре оттуда показался Лёха с мешком за спиной, а за ним плёлся помятый рыжий субъект с красным носом и тащил за собой волоком винтовку.

Каппа нахмурился, но промолчал. Запах самогона усилился ровно вдвое, и даже дед стал как-то подозрительно принюхиваться.

— Это мы щас,— опять повторил Лёха, радостно позвякивая сумкой.— Вот мы с союзничком-то и пойдём, правда, Бэк?

— Yes, yes,— осклабился рыжий союзничек.

— Ну, давай, дед, чё расселся,— сказал Лёха на выходе из землянки, прежде чем его лоб опять впечатался в притолоку.

Дед Мазай, кряхтя и бормоча что-то о зайцах, поднялся и поплёлся вслед за Лёхой, временами жалостливо поглядывая на Каппу. Сзади шёл Бэк, тыкая деда в спину дулом винтовки, ибо штыка на ней не было.

Каппа махнул на процессию рукой, понимая, что забавному деду ничего кроме стакана самогона не грозит. Командир привычно погладил рукой арифмометр и, вздохнув, принялся нажимать бронзовые клавиши, программируя адскую трофейную машину. Загадочная надпись на корпусе гласила: «Intel Inside», а ниже — мелким шрифтом: «Intel Mechanics Inc.». На просьбу перевести союзник Бэк заявил, что внутри машинки есть какая-то механическая штуковина, при этом он кривлялся и брызгал слюной, с трудом выговаривая русские слова. Впрочем, о существовании механизма было ясно и так, поэтому значение надписи так и осталось загадкой для проницательного ума командира партизан.

— Ну что ж, главное то, что внутри,— усмехнулся Каппа, крутя ручку арифмометра.

* * *

— Ну, вот и пришли,— облегчённо вздохнул Лёха, осторожно опуская позвякивающую сумку в центре небольшой полянки.

Бэк тут же бросил винтовку и уселся возле сумки, скрестив по-турецки ноги. Лёха присоединился к нему, а дед Мазай остался стоять рядом с ними, озираясь по сторонам. Лёха извлёк из сумки стаканы и литровую бутылку самогона. Стаканов было три.

— Садись, дед,— дружески предложил Лёха, откупоривая бутылку.

— Не дождётесь, душегубы,— гордо ответил дед и отвернулся.

— Ну и дурак,— Лёха с сожалением спрятал один стакан в сумку и принялся разливать душистый самогон.— Давай тост, союзничек,— он уже вынимал огурцы.

На лице Бэка отобразилась мощнейшая работа мозга, после чего глаза его просветлели и, взяв стакан, он изрёк:

— За Родина!

— О! Молодец! — одобрил Лёха, поднимая стакан.

— За Америка! — с нажимом произнёс Бек и проглотил свой самогон.

— Чего? — Лёха подавился горькой и покраснел.— Да ты что, охренел? За какую Америку?

— За Америка,— жалобно проскулил Бэк, хрустя огурцом, и пустил слезу.

— Ну ладно, чёрт с тобой,— Лёха опрокинул стакан и потянулся за огурцом, вспоминая обстоятельства появления Бэке в отряде.

Морской пехотинец Vitor P. Glovan должен был быть сброшен в районе Брянска для проведения разведки. Предполагалось высадить здесь десант союзников. Но произошла ошибка, и он был выброшен из самолёта над лесом в районе Жуковки. При этом он повис на сосне, и партизаны, нашедшие его, были вынуждены снимать разведчика оттуда, в результате чего американец треснулся задницей об землю с десятиметровой высоты. «Oh, my back, my back!» — стонал он, держась за спину. С тех пор его звали Бэком.

В это время дед Мазай оглянулся и, нервно сглотнув, плюнул на землю.

— Ты что это дед, совсем охренел? — Лёха потянулся за винтовкой.

Вдруг Лёхино лицо прояснилось, как будто он что-то вспомнил. Он отложил винтовку и хитро посмотрел на деда.

— Слушай, Мазай, хочешь, лодку тебе дадим?

Мазай, не веря своему счастью, уже приготовившийся помирать, выпучил глаза и затряс бородой, издавая нечленораздельные звуки.

Приняв это за согласие, Лёха Шипицин похлопал Бэка по спине и заявил:

— Три литра самогону!

Дед, наконец, вышел из ступора и затараторил:

— Щас, щас я, ребятки, щас.

Через минуту дед исчез в чаще, а Лёха разливал по второй.

★ ★ ★

Мазай бежал к своей избушке со всех ног. Наконец-то у него будет лодка, и он сможет спасти бедных зайцев. От одной мысли об этом по телу разливалось тепло, не сравнимое даже с теплом от свежего самогона. Кстати, самогону у деда было много, так как у него в избушке был самодельный аппарат, а сахару Мазай натырил ещё до войны. За самогоном к деду ходили и партизаны, и фрицы. Вот и сейчас, подбежав к избушке, дед увидел на скамеечке СС-овца Назу, который, завидев Мазая, начал размахивать флягой, видимо пустой, и что-то лепетать по-немецки.

— Родной ты мой! — дед схватил в охапку слабо сопротивляющегося немца и слюняво поцеловал в щеку, — щас организуем!

Дед выхватил флягу из рук СС-овца и бросился в хижину. Вскоре он выбежал оттуда с полной флягой и ещё с литровой бутылью в другой руке. Всё это он вручил ничего не понимающему Назу. Ошалевший немец потянулся было за деньгами, подвесив флягу на ремень, но Мазай остановил его.

— Иди, иди с богом, — улыбаясь, затараторил он. И с умилением смотрел, как окончательно спятивший немец бежит через лес в Жуковку.

После этого дед пошёл в хату, подумав, вытащил из-за печки бидон и, смахивая с него пыль и паутину, направился к двухсотлитровой бочке, в нижней части которой был вмонтирован кран. Впрочем, краном Мазай не воспользовался, так как рядом стояло неполное ведро с самогоном. Дед, кряхтя, взял с бочки мерный ковш и первым делом зачерпнул около двухсот пятидесяти грамм самогона, которые он, пригладив бороду, тут же и выпил. Крякнув, он вытер губы рукавом грязной телогрейки, заодно занюхивая. После этого он налил в бидон три ковша и, подумав, добавил ещё один. Вскоре он уже шёл назад, скрипя бидоном и что-то напевая.

По дороге за Мазаем увязался осведомитель Саша Чепиков, видимо смекнув, куда идёт дед. Самогону Саша не пил, поэтому отвязаться от него не было никакой возможности. Наконец проблема разрешилась сама собой, ибо Саша, очень хотевший узнать, что же дед несёт в бидоне партизанам (не патроны ли), наконец узнал это. Мазай открыл крышку и ткнул бидоном в лицо Чепикову, от чего тот сразу же рухнул на мох. Для острастки попинав того, дед пошёл дальше.

Когда он вышел на поляну, уже темнело. Посередине горел костёр, а вокруг него прыгал рыжий американец, спустив штаны и забавно тряся членом. Его крики Мазай слышал издали, но только тут разобрал, что Бэк орёт: «Come on, baby, ligh my fire». Рядом сидел Шипицин, хлопая в ладоши и премемерно улыбаясь. При появлении деда Лёха перестал хлопать и ловко выставил ногу, зацепившись за которую, рыжий споткнулся и, выпячивая глаза, рухнул на землю, чуть не

угодив в костёр. Тут Мазай заметил, что кулаки завалившегося американца сильно ободраны, а кора на деревьях вокруг поляны повреждена и заляпана кровью.

— Ну что, принёс? — строго спросил Лёха, для основательности подтягивая поближе винтовку.

— Ага,— дед поставил на землю бидон.

— У-у-у! Мировой ты дед,— заявил Лёха, принюхиваясь к содержимому.

После этого он разлил новообретённый самогон по стаканам, и они с Бэком выпили. Когда дело дошло до третьей, дед заподозрил что-то неладное и жалостливо произнёс:

— Робяты, а как жо лодка?

— Чаво? — Лёха оторвался от стакана и вперил в деда красные глаза,— Спятил, дед? Мы ж это,— партизаны, откуда у нас лодка-то? И ваще, давай вали отсюда.

Для убедительности Лёха щёлкнул затвором винтовки.

— А и пойду! — горестно вскричал дед Мазай, но, вовремя вспомнив злобного Каппу, промолчал о том, куда именно он собрался идти.

— Ну вот и молодец, соображаешь,— Лёха миролюбиво отложил винтовку, облокотившись на заснувшего у костра Бэка.

И тут дед, видимо вспомнив, как рубал в гражданскую красных, а потом белых, зычно гаркнул и долбанул ногой по бидону. Самогон выплеснулся прямо в костёр и мгновенно вспыхнул, поджигая спящего Бэка. Мазай тем временем развернулся и резво сиганул в чащу. Горящий Бэк вскочил и, заорав фальцетом, принялся бегать по поляне, раздувая на себе пламя.

Лёха, не растерявшись, подхватил не успевший ещё опустеть бидон, затем вскинул винтовку и стрельнул в ту сторону, где исчез дед. Бэк тем временем продолжал нарезать круги, истошно визжа своим знаменитым фальцетом, и, видимо, радуясь, что кто-то, наконец «зажёг его огонь». Лёха сбил его с ног ударом в челюсть и затушил дёргающееся тело шинелью. Потом он подхватил на плечо дымящегося Бэка и, погрозив кулаком в ту сторону, где исчез злополучный Мазай, заковылял к лагерю, не забыв прихватить бидон.

Подступы к лагерю партизан, естественно, охранялись, поэтому, когда Лёха подходил к нему, его задержали.

— Стой, кто идёт! — раздалось сверху, после чего на тропинку посыпались мелкие ветки и хвоя, и, наконец, сверху свалился боец партизанского отряда — Толик Баранов.

— Да свои..,— устало сказал Лёха.

— А, товарищ сержант,— Толик вытянулся по стойке «смирно». — А это Вы что, языка взяли?

В это время Бэк очнулся и к неудаче для себя начал ругаться по-английски. Натренированное ухо Толика мигом уловило иностранную речь, и лицо его тут же побелело от праведного гнева, вследствие чего приклад его винтовки впечатался в лоб зловеще дымящегося языка. Бэк дёрнулся и обмяк.

— У, падло! — изрёк Толик, подмигивая Лёхе.

— Ты что это?! — Шипицин чуть не выронил драгоценный бидон, — это ж союзник наш — Бэк!

Толик побелел ещё сильнее.

— Так я ж это... ду-думал — фриц...

— Будешь, сволочь, толчок два дня чистить, — злобно заявил Лёха. Затем он заботливо встряхнул Бэка, проверяя, жив ли тот, и, услышав стон последнего, совсем мирно добавил: — И потом ещё два дня помой будешь выносить из кухни, там и подумаешь как следует.

Отвесив на всякий случай Толику подзатыльник, Лёха отправился к штабу.

★ ★ ★

Лёха со своей тяжёлой ношей подошёл ко входу в землянку штаба. Ночной весенний воздух был холоден и доносил из дальней части лагеря кислотную музыку, выкрики ди-джея Макса и звуки, издаваемые веселящимися партизанами. Лёха вздохнул и открыл дверь в землянку.

Когда он ввалился в штаб, Каппа всё ещё оживлённо дёргал ручку арифмометра, всматриваясь в барабаны с цифрами.

— Товарищ командир, разрешите обратиться!

Каппа удивлённо поднял глаза на вошедшего.

— Обращайтесь, сержант Шипицин.

— Ваше задание не выполнено, — горестно вымолвил Лёха, пристраивая у стены стонущего Бэка.

— Рассказывайте, — насупился ничуть не удивлённый Каппа, отодвигая арифмометр и поглядывая на американца.

Тот был ужасен. Голый ниже пояса, весь обпаленный и со здоровенной шишкой на лбу.

— Отбили немцы Мазая, — скорчил жалостливую рожу Лёха, — как привели мы его, поставили к стене, то бишь к сосне, а тут и они — немцы, значит, ...с огнемётом, — добавил Лёха, посмотрев на дымящегося Бэка. — Мы, значит, бежать, да Бэк споткнулся, и поймали они его, и ну давай пытать. А он, не будь дурак, отбиваться стал, так они ему в лоб, — Лёха показал на сбитые кулаки и на шишку во лбу Бэка. — Мучители! Прикладом били и штаны стянули. А тут и я подоспел. Немцев перестрелял и союзника на себе вынес. Во!

— А чегой-то он пьяный у тебя? — вдруг принюхался Каппа.

— Так это я по дороге его, чтоб он боли-то не чувствовал, — не растерялся Лёха, показывая на бидон.

— А бидон откуда? — нахмурился Каппа.

— Трофейный, — улыбнулся Лёха, поворачивая бидон. На нем и впрямь оказалась свастика, нацарапанная углем и под ней надпись: «Хай Гитлер!», почему-то по-русски.

Но сделать из этого соответствующие выводы Каппе помешал вбежавший радист. Правкин, который чаще ремонтировал своё приёмо-передающее барахло, чем пользовался им. К тому же он был ещё и подрывником.

— Взрывать будем,— радостно закричал он, заламывая костлявые руки,— командование приказало мост через Десну ликвидировать.

— Опять,— вздохнул Каппа и подозрительно уставился на Правкина,— а не врешь, подрыватель херов? А то в прошлый-то раз...

Каппа вспомнил, как они в прошлом месяце «по заданию командования» взорвали пять километров железнодорожного полотна вместе с составом навоза, и поморщился.

— Не, по рации передали,— бледное лицо Правкина хитро сощурилось.

— Ну-ка, давай связь,— Каппа начал вставать из-за стола.

— А рация-то сломалась! — радостно выпалил Правкин, закуривая сигарету.

— Ну вот. Та-а-ак...,— подозрения Каппы усилились,— ну ладно, будем взрывать, готовь динамит.

— А всё уже готово,— просиял Правкин, затаиваясь.

— Ладно, иди, может рацию починишь,— без особой надежды приказал командир,— а ты, Шипицин, давай неси американца к доктору. А завтра с Правкиным взрывать пойдёшь. И Толика Баранова с собой возмёшь. Всё понял?

— Так точно! — гаркнул Лёха, выталкивая Бэка вслед за радистом-подрывником.

Проходя мимо толчка, Лёха услышал звуки яростной работы скребка. Это исполнительный Толик уже принялся за работу, подсвечивая себе зажигалкой. Лёха остановился и сгрузил Бэка на землю.

— Толик, вылазь!

Из толчка показался Толик. Неверный свет зажигалки являл миру его руки, по локоть в дерьме.

— Завтра с утра чтоб отмылся,— поморщился Лёха,— взрывать пойдём.

— Так точно,— Толик опять скрылся в толчке.

★ ★ ★

Неверный свет керосинки, едва пробиваясь через клубы сигаретного дыма, поблёскивал на полированных ручках загадочных приборов, на радиолампах и на коричневых одинаковых цилиндриках, на которых покоилась костлявая рука, обтянутая белой кожей. Глаза её обладателя сверкали так ярко, что казалось, они светятся собственным внутренним огнём.

— Рацию давай, рацию,— Правкин затаился сигаретой, поглаживая другой рукой тротилловые шашки,— взрывать надо, а не по рации болтать.

Шашки, которых в своё время натырили превеликое множество, холодили руку, а лампа из приёмника покоилась в столе.

— Да, взрывать,— острое лицо Правкина вытянулось и стало особенно похоже на череп. Странная улыбка исказила его. Рука потянулась к керосиновой лампе, и опустилась тьма.

★ ★ ★

Жога увидел деда Мазая, стоя на посту на окраине Жуковки. Решив, что дед идёт сбывать самогон, и рассчитывая на некоторую прибыль, Жога решил его тормознуть.

— Хальт! Ханде хох! — заорал СС-овец, выскакивая из кустов и тыча деду в морду шмайстером.

— А-а-а! — заорал Мазай, поднимая вверх руки и почему-то падая на колени. В правой руке деда был зажат приятно позвякивающий мешок.

— Торговать идёшь, дед,— с нажимом произнёс Жога,— пол-литра — на экспертизу! — безапелляционно заявил он.

— Не торговать я,— оправился от потрясения дед Мазай,— к главному я, партизан буду выдавать, в обмен на лодку.

— Ну что ж,— разочарованно протянул Жога,— щас сообщу главному. Но с тебя всё равно пол-литра,— подумав, добавил он.

— Ироды! — привычно заканючил Мазай, впрочем доставая из мешка бутылку.

Жога радостно повертел её в руках, принявываясь к пробивающемуся сквозь бумажную пробку запаху, спрятал самогон за пазуху и пошёл звонить Жилинскому. За ним по пятам семенил дед, бормоча что-то о сволочных пьяницах-партизанах, звеня посудой и дёргая бороду.

Командир немецкого гарнизона Жилинский был не в настроении. Не то слово — он был просто взбешён. Партизаны совсем охренели. Взрывают, понимаешь, рельсы, мосты, а иногда и просто взрывают чего-то в лесу — и откуда только взрывчатка? Воруют опять же. Прямо из домов пропадает табак, самогон, жратва, а на месте пропажи остаются записки типа: «Приходи в лес, рассчитаемся. Лесник.»

Зазвонил телефон, и Жилинский поднял трубку. Говорил СС-овец Жога.

— Мазай пришёл,— сообщил он,— говорит, партизан хочет выдать в обмен на небольшую услугу.

— Что за услуга? — Жилинский нервно сжал трубку и, вспомнив, что дед — основной поставщик самогона, спросил: — Сахару, небось, хочет?

— Не, ему лодку подавай,— Жога захихикал,— зайцев спасти от наводнения.

— Хм-м,— протянул Жилинский. Лодка была только одна, и она была стратегически важна,— ну ладно, тащи деда ко мне.

Повесив трубку, Жилинский выпил для успокоения небольшой стаканчик шнапса из стоящего тут же графина, хотя, признаться, пил он редко. Взглянув на карту местности, висевшую на стене, он принялся за любимое

занятие, то бишь за чтение. Читал он книгу «Programming your Arifmometer», написанную Гербертом Шитдтом. Правда, программировать было нечего, так как единственный арифмометр стырили вездесущие партизаны, оставив записку: «Еррор: оверфлов! Систем терминэйтед». Что ж, это им тоже зачтётся.

Стук в дверь оторвал Жилинского от чтения.

— Войдите,— хмуро сказал он, закладывая книгу мятой дойч-маркой.

В дверях показался дед Мазай, а за ним Жога с автоматом наизготовку.

— Вот, доставил,— закрывая за собой дверь, произнёс Жога.

— Вы свободны,— холодно ответил Жилинский, вставая из-за стола.

— А мне положена награда! — нагло заявил Жога, пиная деда, чтобы тот не проговорился об уже полученной награде.

— Что? — лицо Жилинского начало наливаться кровью.

— Награду бы мне,— уже менее уверенно повторил Жога, на всякий случай продвигаясь поближе к двери.

— Что?!! Как ты посмел, мразь? — казалось, что его глаза вот-вот выскочат из глазниц красного лица,— Картошку, сволочь, два дня будешь чистить. Понял? А теперь во-о-он!!!

— Понял, как не понять,— побледневший Жога скрылся за дверью.

Лицо Жилинского моментально приобрело нормальный цвет, и он было уже собирался заговорить с дедом, как из-под окна послышался крик Жоги.

— Жилинский — ЧМО!!! — орал он.

Названный чмом резво бросился к окну, на ходу вытаскивая из кобуры верный парабеллум. Одним движением распахнув окно, Жилинский дважды выстрелил в темноту. Послышался звук падения тела и сдавленный крик.

— Сами вы все — ЧМО! — невразумительно выкрикнул Жилинский, выпрыгивая в окно.

Он побежал к Жоге, который сидел на дороге, держась за простреленную руку. Увидев своего командира, Жога вскочил и припустил по улице. Жилинский уже практически настиг его, когда какая-то проволока впилась в его горло, и тело командира рухнуло на дорогу.

— Жилинский — ЧМО-о-о... — слышалось издали, и задыхающийся немец разрядил обойму в сторону звука.

При этом был застрелен местный житель Олешка, который потихоньку курил траву у себя в огороде, но это было слабым утешением, так как Жога ушёл. Радовало только то, что СС-овец не посмел отстреливаться.

Жилинский встал, хватая ртом воздух точно рыба. Он потрогал злополучную проволоку. Это была та самая, которую месяц назад натянули партизаны, чтобы передавать по ней сообщения, которые безуспешно пытались расшифровать спецагент абвера Хоменков.

— У-у-у, интернет, мать вашу,— в сердцах дёрнул проволоку Жилинский.

Как раз в это время Серж Хоменков ждал очередной передачи партизан, справедливо полагая, что если во время таковой по проволоке пропустить сильный ток, партизаны от этого будут не в восторге. Проволока задёргалась.

— Воот...— улыбнулся Хоменков, потирая руки.

Затем он опустил рубильник.

Задёргалась проволока, как известно, от столкновения с командирской шеей. Ну а потом... Как только Жилинский схватился за провод, его моментально долбануло мощнейшим разрядом тока, отчего командир вновь оказался в дорожной пыли.

Очнувшись, он поднялся, дико озираясь во тьме, и, пригнувшись, чтобы опять не наткнуться на злосчастные коммуникации, побежал к штабу.

Дед Мазай стоял в штабе ни жив ни мёртв. Стрельба и прыжки из окна произвели на него неизгладимое впечатление. Поэтому, когда появился Жилинский, дед, округлив глаза, стал продвигаться к двери, ибо командир немецкого гарнизона был весь в пыли, с красной отметиной на шее и появился он не иначе как через окно. В руке его дымился пистолет. При этом выражение его лица не оставляло никаких сомнений в переполнявших Жилинского чувствах.

— Стоять! — гаркнул командир, пресекая попытку Мазая к бегству.

Дед остановился у двери и мелко затряс бородой, глядя на немца. Жилинский убрал пистолет, трясаясь не хуже деда, и сел за стол. Он схватил графин и сделал несколько больших глотков шнапса. После этого он вытер губы рукавом, и краснота стала постепенно сходить с его лица.

— Ну что, рассказывай, чего пришёл,— Жилинский, почти успокоившись, строго посмотрел на деда.

— Да

я вот это... партизан сдать хочу,— дед тоже вроде поуспокоился,— тока лодку бы мне, на пару дней-то...

— Вот карта,— Жилинский встал и повернулся к стене,— показывай.

Дед подошёл к карте, смахнул с неё тараканов и стал, близоруко щурясь, рассматривать её, с трудом разбирая названия, написанные немецкими буквами.

— Тута они, сволочи! — наконец решил дед Мазай, тыча пальцем в изображение леса недалеко от Жуковки.

— Гут,— Жилинский обвёл красным карандашом пятно грязи, оставленное пальцем деда. Исходя из масштаба, обведённый участок был не менее десяти гектар.

— Дык мне бы лодочку,— протянул дед, с надеждой поглядывая на немца.

— Лодочку,— Жилинский нахмурился,— понимаешь в чём дело...

В это время в дверь постучали.

— Войдите,— Жилинский облегчённо отвернулся от назойливого деда.

Вошёл Саша Чепиков.

— Здравствуйте,— заискивающе сказал он Жилинскому,— здравствуйте,— он повернулся к деду, но, увидев, кто перед ним стоит, мгновенно замер и открыл рот.

Дед при этом как-то сразу сник. Жилинский, наблюдая сию немую сцену, не вмешивался, предвидя, что лодка всё-таки деду уже не грозит.

— Вот! Вот он, враг нового порядка! — губы Чепикова задрожали, а указательный палец правой руки обвиняюще упёрся в съёжившегося деда. Впрочем, Саша держался от деда на благоразумном расстоянии, чтобы избежать возможных нападков со стороны врага нового порядка,— это он меня на подходе к партизанскому лагерю хлороформом усыпил, а потом ну меня пытать! — Чепиков гордо выпятил грудь,— но я ему ничего не сказал.

— Молодец,— Жилинский незаметно улыбнулся, представив Сашу, пытаемого дедом Мазаем,— а Вы, герр Мазай, оказывается, партизанский шпион. Лодку Вам, значит, подавай, а Вы её — партизанам, так? Пошёл во-о-он! Пока не расстрелял! — последнее Жилинский проорал, выпучивая глаза и брызжа слюной.

Дед шуганул за дверь, зацепившись о косяк шнобелем, захлопнул дверь и остановился на крыльце.

— Жилинский — ЧМО!!! — отдельно прошептал Мазай, удостоверившись предварительно, что его никто не слышит.

Потом он стёр с лица слюну командира немцев, залез в карман фуфайки и, покопавшись там, извлёк на свет луны старый видевший виды маркер. Зачем-то послунив его, дед старательно вывел на стене: «Гитлер — кал, Сталин — forever». Довольно крикнув, дед спрятал маркер и, сокрушённо вздыхая, побрёл прочь.

★ ★ ★

Через некоторое время на крыльце штаба появился Хоменков. Фонари в целях экономии электроэнергии не горели, поэтому спецагент освещал себе путь фонариком с динамо-машиной, который противно жужжал в его умелой руке. Хоменков спешил сообщить командованию о своём успехе с электрошоком. Луч фонаря упал на надпись, оставленную Мазаем, и бдительный немец прочёл её. Немного подумав, Хоменков пошёл дальше: «Глюк,» — решил он.

В это время из штаба выбежал Саша Чепиков, сообщивший Жилинскому всё, что хотел. Увидев спецагента, тот бросился наутёк по неизвестной причине. «Учтём,» — решил Хоменков, проводя бегущего светом фонарика.

— Хай Гитлер! — заорал Хоменков, вскидывая руку, как только вошёл в штаб.

Жилинский от неожиданности уронил на пол вожделенную книгу Шитдта.

— А, это Вы,— облегчённо вздохнул командир, решивший уже было, что это налёт партизан,— заходите.

— У меня есть некоторые успехи в работе с вражескими коммуникациями,— скромно заявил спецагент.

Жилинский, услышав о партизанском проводе, по привычке стал наливать кровь.

— Коммуникации? Да Вы знаете, что меня током сегодня чуть не убило от вашей коммуникации? — Жилинский протянул в доказательство ладони, на которых была видна полоса ожога.

Хоменков, увидев ожоги командира, резко побледнел, в отличие от Жилинского, и выпучил глаза. Сочтя это за знак должного понимания и сострадания, Жилинский успокоился и спрятал руки в карманы брюк.

— Ну ладно, что у Вас там за успехи,— командир привычно сгорбился на стуле.

— Ну-у-у, э-э-э, я изучал индуцированные колебания в телекоммуникационном устройстве и решил...— тут Хоменков запнулся. Он весь вспотел, понимая, что бы с ним было, расскажи он про электрошок,— решил представить их как бинарные последовательности и разложил их по 4–7 коду Хемминга.

— Ух-ты! — Жилинский радостно открыл рот, внимая спецагенту.

— Полученные литеральные последовательности,— бубнил Хоменков,— будут проанализированы и, возможно, я, наконец, расшифрую протокол передачи партизан.

Жилинский ещё некоторое время сидел, смакуя сказанное, а потом, с уважением посмотрев на Хоменкова, сказал:

— Скорее всего это уже не потребуется, так как мы узнали приблизительное место дислокации партизан, и завтра вечером начнётся операция по их ликвидации.

— Ну что ж, с вашего разрешения, я пойду, до свидания,— спецагент вышел из штаба, даже не дослушав, что ему на прощание скажет командир.

«Обиделся,» — подумал Жилинский.

«Сам дурак!» — подумал Хоменков.

Он некоторое время постоял на крыльце, полной грудью вдыхая ночной воздух, и пошёл к себе, немного пошатываясь и жужжа фонариком. Придя в лабораторию, где он, собственно, и жил, Хоменков отключил от партизанского провода трансформатор и, пыхтя, затолкал его под стол от греха подальше.

— Ути-пути-пусеньки,— произнёс он, нежно поглаживая коммуникационное устройство и пиная под столом трансформатор.

В это время за стеной послышалось какое-то движение, и Хоменков, поняв, что его соседка по дому ещё не спит, захватил две банки «Баварии» и направился к ней, желая отдохнуть после трудного дня.

★ ★ ★

Мазай шёл через окутанный тьмой лес, пробираясь к своей избушке. По щекам его текли слезы, исчезая в бороде. Дед что-то сокрушённо бормотал, спотыкаясь о корни и налетая на деревья. Споткнувшись в очередной раз,

дед растянулся, потеряв ушанку. Он довольно долго лежал без движения, потом поднялся и, подняв шапку, решительно зашагал по направлению к реке. Преображённый Мазай, казалось, видел не хуже, чем днем, так как он шёл быстро, не обращая внимания на какие-либо препятствия.

Место, где стояла лодка, дед нашёл сразу. Она была привязана цепью к столбу, врытому в берег. Нос её покоился на земле, а во чреве сладко посапывал Шкода, завернувшись в форменный плащ. Вообще-то он должен был сторожить лодку, но сон предательски сморил доблестного воина. Автомат Шкода снял, а гранаты повытаскивал из карманов, чтобы всё это богатство не уязвляло бока и ребра прикорнувшего арийца.

Проснулся Шкода от того, что кто-то кричал у него над ухом, светил в лицо фонариком и тыкал чем-то в бок. В темноте промелькнул страшный старик с всклокоченной бородой.

— Вставай, скотина,— орал старик, тыча в Шкоду шмайстером, в котором последний узнал своё личное оружие.

Внезапно Шкода узнал деда.

— Ты что это, Мазай, я ж говорил тебе — не пью я,— Шкода решил, что дед собирается всучить ему самогон, что он уже не раз пытался сделать ранее.

— Вставай, отчиняй цепь,— не унимался дед.

Шкода нехотя встал, взял ключ и, сопя, отпер замок на цепи.

— Лодку в воду,— приказал неумолимый дед.

Шкода, кряхтя, столкнул лодку в воду, а дед, светя фонариком (также реквизированным у немца) под ноги, залез в неё и, положив автомат на дно, взялся за весла. Когда Мазай вышел на середину разлившейся Десны и начал удаляться по течению, Шкода неуверенно и как-то совсем тихо закричал:

— Тревога!..

Дед тут же бросил грести, пошарив по дну рукой, схватил одну из гранат, повертел её в руках и бросил в Шкоду. Граната, не долетев до берега, упала в реку, где, естественно, благополучно и затонула, так как дед забыл выдернуть чеку. Мазай сам после броска чуть не очутился в воде, балансируя на раскачивающейся лодке.

Шкода, смекнув, что следующую гранату Мазай может снарядить как следует, а то и вовсе взяться за автомат, прикусил язык. Дед тем временем всё дальше удалялся вниз по течению, ругаясь и грозя кулаком Шкоде в неверном свете луны.

Шкода походил по берегу, пыхтя и почёсывая голову. Немца ждало жестокое наказание. Лодка была у немцев только одна, и, хотя бы только поэтому, она была исключительно важна. Наконец Шкода перестал ходить, расстелил на траве плащ и, вздохнув, вновь отдался во власть сна.

* * *

Было уже темно, но Маха всё ещё сидела перед керосиновой лампой, листая «Правду». Когда она уже дочитывала статью о героических подвигах брянских партизан, за стенкой, где жил немец, послышалась возня.

«У-у, сволочь, гулял, небось!» — подумала Маха, сворачивая «Правду», — «Хорошо хоть вход у него с другой стороны».

Маха встала и пошла к шкафу, где у неё было устроено потайное отделение. Там уже лежали чистенький выглаженный пионерский галстук, два комсомольских значка — её и мужа — и партбилет. Туда же Маха положила газету, вместо которой у неё на столе появился «Playboy». И, надо сказать, вовремя, потому что в дверь постучали.

— Кто там? — елеинным голосом пропела Маха.

— Свои это, — от звука знакомого голоса Маха скривилась.

Однако выражение её лица тут же приняло самый что ни на есть приятный вид, и Маха пошла открывать.

— Сейчас, сейчас, — ворковала она.

На пороге, естественно, стоял Хоменков, сжимая в руках две банки «Баварии».

— Хай Гитлер, — привычно заорал Хоменков, щёлкая сапогами и вытягивая вперёд руку с пивом.

Маха, уже привыкшая к повадкам соседа, ловко увернулась от руки с пивом, норовившей ударить её в нос.

— Здравствуй, Серёженька! Что ж это ты меня чуть не убил?

— Ну извини, — смущённо засопел Хоменков, переминаясь с ноги на ногу.

— Да ты не стесняйся, заходи, — радостно затараторила Маха, — я тебе сейчас борщику налью.

Желудок Хоменкова, который сам ничего готовить не умел и питался исключительно тушёнкой с хлебом, радостно ответил на это предложение утробным урчанием. Спецагент, ещё больше засмущавшийся, молча направился к столу. Там он, естественно, увидел «Playboy», и вид этого печатного издания окончательно вывел его из равновесия. Уши, а затем и всё лицо немца стали неумолимо краснеть. Он всё мялся возле стола, не решаясь присесть рядом со столь вопиющим символом разврата.

— Да ты садись, не стесняйся, — сказал Маха, вдоволь насладившись видом своего соседа, и пошла на кухню за борщом.

Хоменков поставил пиво на стол, сел на краешек табурета и, подумав, прикрыл срамной журнал фуражкой, после чего принялся рассматривать дом.

В дальнем углу, куда почти не проникал свет лампы, злое пощё поблёскивала барабанная установка, которая, как знал Хоменков, принадлежала мужу Махи. Больше ничего примечательного в доме не было, если не считать многочисленных плакатов, наклеенных на стены. Плакаты эти представляли собой черно-белые снимки каких-то волосатых дядек, которые, видимо, являлись кумирами Махи и её

мужа — Серёги. Здесь же висела и фотография Конякина, который, в отличие от дядек, был совершенно лыс. Махин муж злобно взирал на Хоменкова, и последний, потупившись, отвернулся.

Сергей Конякин воевал в Красной армии и был лётчиком-истребителем. Это обстоятельство, конечно, давало право вызвать Маху в штаб и там хорошенько допросить, но ещё раз взглянув на фото махиного мужа, спецгент от этой соблазнительной идеи отказался.

— Вот, поешь, Серёженька,— мурчала Маха, входя в комнату с тарелкой супа.

Хоменков тут же оторвался от созерцания интерьера, который он видел уже неоднократно, и принялся ЖРАТЬ борщ, как только тарелка оказалась перед ним.

— Ну, как, вкусно? — поинтересовалась Маха, которая в качестве основной приправы специально для соседа использовала «Пурген».

— Угу,— радостно замычал Хоменков, давясь борщом.

Буквально через пару минут тарелка была пуста, и настало время для пива. А надо сказать, что Хоменков терпеть не мог пива, но никому в этом не признавался, ибо какой немец его не любит.

— Ну что, Серёженька, расскажи что-нибудь,— Маха с видимым удовольствием отпила «Баварии»,— почему ты такой грустный?

— Да не грустный я,— Хоменков покосился на Маху,— наоборот, мы же партизан вычислили!

— Да? — Маха вздрогнула,— и как же это вы?

— Да уж я постарался! — гордо заявил Хоменков, выпячивая впалую грудь,— Завтра разведчика пошлём, а послезавтра накроем гадов.

На этом разговор прервался как-то сам собой. Маха, уже допив пиво, принялась листать извлечённый из-под фуражки «Playboy», временами отпуская солёные замечания по поводу фотографий. Хоменков же заглатывал остатки ненавистного пива, стараясь не смотреть в журнал. Когда банка уже опустела, Хоменков внезапно побледнел и схватился за живот.

— Что такое, Серёженька, тебе плохо? — поинтересовалась Маха, оторвавшись от просмотра журнала.

— Н-нет,— выдавил из себя спецгент,— мне п-пора идти.

— Ну пока, заходи ещё,— Маха злорадно ухмыльнулась, видя как немец вылетает в дверь, сжимая в руке фуражку.

Заперев дверь за надоедливим спецгентом, Маха направилась... в туалет. Дело в том, что именно туда вёл загадочный провод, протянутый партизанами, а Маха, соответственно, являлась связной. Провод же приводился в колебание посредством дёрганья верёвки сливного бачка.

Маха заперлась в толчке и принялась дёргать вышеупомянутую верёвку, что вызывало из бачка утробные звуки.

Хоменков сломя голову обежал вокруг дома, держась за живот и постанывая. Влетев к себе, он сразу бросился в толчок — «пурген» не оставлял выбора.

Сидя на унитазе, спецгент клял на чём свет стоит пиво и его производителей, изобретателей и потребителей, полагая, что именно этот слабоалкогольный напиток является причиной его нынешнего состояния.

Внезапно из-за спины раздался звук сливающейся воды. «Я не одинок», — радостно подумал немец, расплываясь в улыбке. Однако звук повторился, потом ещё и ещё. И тут на спецгента абвера снизошло озарение. Не зря же Хоменков был спецгентом. Он громко пукнул и покрылся холодным потом.

Ибо он узнал последовательность звуков и, соответственно, узнал теперь, кто является партизанским шпионом.

Что ж, завтра... завтра...

★ ★ ★

Солнце неохотно вставало над Жуковкой. И лишь немногие встречали новый день бодрствуя. Пожалуй, хуже всего было Хоменкову, ибо сей муж всё ещё дристал у себя дома, вынашивая коварные планы относительно Махи, которая, ни о чём не подозревая, спокойно спала. Солнечный зайчик заглянул в обиталище спецгента и, как будто испугавшись вони, тут же исчез.

В это же время солнце застало Хазу за тяжкими думами сидящим на крыльце дома. Тот никак не мог решить, что делать с новообретённым самогоном: выпить всё самому или подождать прибытия своих товарищей, которые должны были приехать сегодня. С первым лучом солнца прозрение снизошло на лицо Хазу, и он удалился к себе.

В это же время на своём посту стоял, а точнее лежал, Андрю FF, флегматично пуская клубы дыма. Он закатывал глаза к небу, а рука покоилась на книге «Новый завет». Первый луч солнца коснулся его щеки, и FF, потянувшись, встал. Метрах в пятидесяти в лесу он увидел двух спящих партизан. Немец стрельнул в воздух, от чего партизаны проснулись и тут же в один голос застонали, держась за головы.

— Валите отсюда, — резонно сказал FF, встряхнув хайром.

Партизаны, кряхтя, поднялись и поплелись в лес, стоная и постреливая из винтовок. Проводив их взглядом, FF принял прежнюю позу.

Последним бодрствующим человеком в лагере немцев был WW, который в очередной раз преодолев все преграды, проник на пустую кухню, и сейчас уже уничтожал запасы провизии, жадно чавкая и пуская слюну. Когда солнце проникло в кухню, WW остановился и, взглянув сумасшедшими глазами в окно, принялся набивать жратвой рюкзак.

Да, ещё к немецкому лагерю пробирался DJ Мах, который, между прочим, был немцем. Макс тащил на себе граммофон, усилки и здоровенный рюкзак

с винилом, нещадно ругая на немецком партизан, которые по ходу дискотеки стырили один из его пластов.

Практически все так нещадно бранимые партизаны тем временем спали. Только Бэк стонал в лазарете, да щёлкали шестерни командирского арифмометра. При этом, несмотря на то, что командир всю ночь не сомкнул глаз, послание Махи не было получено, ибо в момент его передачи на небезызвестном проводе висел, в прямом смысле этого слова, СС-овец Мопс, блюя под воздействием огромной дозы мазаевского самогона.

И ещё. В пути это утро встретил небольшой отряд партизан из трёх человек, пробирающийся к мосту через Десну.

★ ★ ★

— Вот и пришли,— радостно прошипел Правкин, снимая с плеч огромный рюкзак со взрывчаткой.

Лёха Шипицин неопределённо хмыкнул, а Толик, как всегда, застыл по стойке «смирно» в ожидании распоряжений.

— Ну что стал? — ухмыльнулся Правкин.— Иди на дорогу, немцев сторожи.

Баранов вопросительно посмотрел на Лёху.

— Иди, иди,— подтвердил приказ Лёха, и Толик поплёлся к дороге, где опять замер в вышеозначенной позе.

Правкин тем временем затапливал шашки под мост, втыкая в них провод детонатора. При этом счастливая улыбка не покидала лицо подрывника. Шипицин хмуро наблюдал за этим, лёжа в лесу и жуя травинку.

Когда шашки были заложены, а провода протянуты, издали послышался треск мотоцикла. Лёха привстал, Правкин сгорбился над коробкой детонатора, а Толик так и остался на дороге.

На мотоцикле ехали СС-овцы. Правил сиим чудовищем Dimas, за ним восседал Chik, а в коляске тряслась Маринка Захарова, держась за пулемёт. Немцы ехали из деревни, куда ездили подавлять бунт. Подавление бунта вылилось в пьянку, поэтому Димас и Чик имели вид довольно жалкий, а Маринка, которая вовсе не ложилась спать, была, напротив, весела. Её недавно вытащили из-за стола, на котором всё ещё можно было найти спиртное, чем Маринка и занималась в гордом одиночестве. Сейчас она была весела, пела песни раскатистым голосом и постреливала из пулемёта. Димас выделил ей на это дело один диск, остальное доверив Чику.

Когда до моста оставалось метров пятьсот, из лесу выскочил Саша Чепиков.

— Там, там партизаны,— истошно заорал он, тыча пальцем в сторону моста.— Я их выследил!

— Гы-ы-ы,— сказала Маринка и скосила Чепикова очередью из крупнокалиберного пулемёта.

Бездыханному телу достались все оставшиеся патроны диска. Димас хмуро взглянул на изрешеченные остатки и даже не притормозил.

Наконец показался мост. На той стороне стоял человек в шинели, папаче со звездой и со старой трёхлинейкой. При виде его Димас с Чиком явно оживились.

— Гы-ы-ы,— снова сказала Маринка, пуская слюну, и нажала на спусковой крючок. На счастье Толика патроны у неё кончились.

— Oh, partizanen! — радостно воскликнул Димас, останавливая мотоцикл перед Толиком. Тот побелел, как мел, и стоял столбом, не пытаясь что-либо предпринять.

— Давай, взрывавай,— прошептал Правкину Лёха,— всё равно Толику капец. Правкин улыбнулся и повернул рычаг. Ничего не произошло. Правкин поблел.

— Провод порвался,— бескровными губами прошептал он.

Тем временем Димас с Чиком спешили, неодобрительно поглядывая на Маринку, которая всё ещё пыталась застрелить Толика.

Димас подмигнул Толику и достал из кармана новенький Kodak. Сначала с Толиком щёлкнулся Чик, потом Димас, потом вместе, вручив фотоаппарат Маринке. Та тоже хотела фото на память, но вылезти из коляски так и не смогла, а Толик ни в какую не желал подходить к мотоциклу.

Наконец немцы уgomонились. Чик на прощанье насыпал Толику горсть M&M's, а Димас поменялся с ним головными уборами, после чего довольные СС-овцы забрались на мотоцикл и поехали дальше.

Всё это время Правкин лихорадочно искал причину поломки: пощёлкал рычагом, проверил батарейки, а потом полез вдоль провода, проверяя его целостность.

— А! Вот оно! — радостно зашипел он, стоя на карачках возле самой взрывчатки, с двумя концами провода в руках.

Дальше события развивались молниеносно.

Толик наконец пришёл в себя, глаза его налились кровью, и он заорал:

— Ах вы фашистские гады!

После этого Толик вытащил из-за пояса лимонку, вынул чеку и бросил гранату в удаляющийся мотоцикл. Граната угодила точнёхонько в коляску, провалившись между бортом и Маринкой, и принялась там кататься, злоеще гремя.

— А-а-а! — заорала Маринка, зачем-то срывая с себя каску.

Димас не растерялся. Сунув руку в недра мотоцикла, он извлёк оттуда металлический костыль. После этого коляска с вопящей Маринкой благополучно отделилась от мотоцикла и, кувыркнувшись, слетела в кювет, где и взорвалась.

Толик радостно хмыкнул и принялся стягивать с плеча винтовку, видимо намереваясь добить остатки механизированного подразделения. Но радость его была не долгой. Правкин соединил концы провода, и мост взлетел на воздух

вместе с незадачливым подрывником, Толиком и остатками коляски. Димас благоразумно поддал газу.

— Ни хрена себе,— удивлённо произнёс Лёха Шипицин, когда отгремел взрыв.

Он пошёл к дороге. Моста, естественно, уже не было — Правкин работал без срывов. Но и попытки найти какие-либо останки (остатки) успехом не увенчались. Только возле дороги Лёха наткнулся на горстку M&M's. Собрав буржуйские конфетки, сержант побрёл к лагерю.

★ ★ ★

— Это не я кухню-то почистил,— шмыгнул носом WW,— спал я.

— Чего? — нахмурился Жилинский.— Какую ещё кухню. Ладно, потом разберёмся. Щас, значит, в разведку пойдёшь. Вот сюда,— Жилинский ткнул пальцем в карту.— Будешь партизан искать. Понял?

— Ага,— улыбнулся WW,— найду. Тока паёк мне дайте.

— Иди, будет тебе паёк,— брезгливо поморщился командир.

Вскоре Жилинский уже стоял на окраине леса вместе с Назу. Они провожали WW. А тот, радостно ги-гикая, трясая хайром и размахивая руками, вприпрыжку бежал в лес, таща за собой незабвенный рюкзак с пайком. Вскоре он исчез среди деревьев, и только его ги-гиканье всё ещё разносилось окрест.

— Зря Вы его послали,— сокрушался Хазу.— Пропадёт ведь.

— Ничего,— Жилинский загадочно улыбнулся,— к обеду обязательно придёт. А если нет — значит партизаны его в плен взяли. Тогда-то мы и нападём.

И тут же из леса раздался рёв мотоцикла, и по дороге из леса вылетели Димас и Чик. Мотоцикл затормозил прямо перед Жилинским, изрядно полив того грязью.

— Партизаны мост через Десну взорвали,— выпалил Димас.

— И Маринку порешили,— добавил Чик.

— Но мы им тоже всыпали,— оскалился Димас, показывая папаху.

— Сволочи,— сжал кулаки Жилинский.— Но кулак возмездия уже вознесён,— потряс вышеозначенным орудием возмездия командир,— и сегодня он опустится!

Воодушевлённые пламенной речью СС-овцы удалились к себе, где Назу предложил распить флягу самогону. Литровую бутылку он предусмотрительно утаил. Жилинский же направился в штаб. Там он вознамерился почитать, но, открыв ящик стола, обнаружил там только записку следующего содержания: «Трансфер интераптед! Респонс... В общем пошёл на х...»¹ Командир в сердцах ударил по столу кулаком.

— Ничего, сегодня за всё заплатите...

¹не понял Димасову писанину. Наборщик. А я уже и не помню, что здесь было. Dimas.

* * *

WW вприпрыжку бежал через лес, что-то гнусава себе под нос. Вдруг он остановился, задрал харю и принохиваясь. После этого он значительно повеселел и немного изменил направление движения. Надо ли говорить, что выданный ему паёк и личные запасы пищи давно уже были проглочены. А то, что унюхал WW, было запахом пищи. А запах сей доносился из партизанского лагеря.

Возле самого лагеря WW наткнулся на Веталю и Диму Герасимова. Партизаны по очереди делали жим гири, судя по виду — тридцатидвухкилограммовой.

— Куда идёшь, фриц? — поинтересовался Веталь, делая жим.

— Дык я ж того... на этого... — замялся WW.

— Да ладно уже, иди, — Дима сидел, дожидаясь своей очереди. — Всё равно без оружия.

— Ага, — оскалился WW, у которого действительно не было оружия.

Через некоторое время WW уже жрал недоварившуюся картошку на партизанской кухне, обжигая руки, которыми он вытаскивал её из кипящей кастрюли.

На его беду в кухню зашла Танька Масленко, которая была здесь поваром. Увидев поглощающего картофель WW, она без лишних разговоров схватила половник и огрела наглого разведчика по голове, от чего тот рухнул на пол, выронив недоеденную картошку.

— Так-то! — улыбнулась Танька, поправляя белый передник.

Вскоре WW предстал перед Каппой, поддерживаемый под руки Веталем и Димкой. На столе у командира стоял полупустой стакан с чаем, лежал кусок недоеденного хлеба, арифмометр и небезызвестная книга Shitd'ta. Каппа уставился на шпиёна красными от бессонницы глазами.

— Ну что, сволочь фашистская, как зовут-то тебя? — Каппа почесал голову, на этот раз не исторгнувшую из себя никакой живности.

— WW я, — WW покосился на остатки хлеба, пустив слюну.

— И что же ты пришёл к нам?

— Послали меня, — мялся WW.

И тут глаза разведчика заволокло безумие. Каким-то чудом вывернувшись, он схватил со стола хлеб и запихал его себе в рот, вращая глазами и обильно пуская слюну.

— Ах, ты... — от такой наглости Каппа потерял дар речи, — В клетку его! — заорал командир.

Деревянная клетка была реквизирована у лесника. Зачем она ему была нужна, так и осталось загадкой. Собственно партизанам она вроде тоже ни к чему, но вот пригодилась. Клетку с заточённым шпионом поставили в середину лагеря на всеобщее обозрение. На радость партизанам WW прыгал по клетке, что-то орал, брызжа слюной, и вообще был довольно забавен.

Проходя мимо клетки, Лёха Шипицин тоже остановился поглядеть на чудо.

— У, Толстый! — сказал он и направился к штабу.

★ ★ ★

Было уже часов одиннадцать утра. Маха встала, сделала зарядку, позавтракала и теперь отдыхала, поставив любимую пластинку Metallica. И как раз когда Хетфилд орал про марионеток, раздался оглушительный треск — это чуть не слетела с петель дверь от мощнейшего удара снаружи. На пороге стоял Хоменков.

— Это ты! — обвиняюще возопил он.

— Что я? — не поняла Маха.

— Ты — партизанская шпийка! — пояснил немец. — Я тебя вычислил вчера. Теперь тебя расстреляют... Однозначно!

— Ну, Серёженька, — Маха смекнула, что Хоменков пришёл один, а значит он захочет договориться. — Как же так, ведь мы с тобой такие хорошие друзья. Можем договориться, по-дружески-то?..

Хоменков замялся и покраснел. Очевидно было, что он именно за этим и пришёл. Потом глаза его стали совершенно безумными, и он истово заговорил:

— Машенька, давай жить вместе. Ты представляешь, как это будет прекрасно? — Хоменков вещал, всё ближе приближаясь к Махе, — мы снесём стену, у нас будет один большой дом. Между прочим, я хорошо получаю, у тебя будет всё, что захочешь. А потом...

Что же будет потом, Маха уже не узнала, ибо её нога впилась в пах слишком близко подошедшего спецагента. Хоменков, не издав ни звука, осел на пол, где и скрючился в неестественной позе.

— Не бывать такому, фашистская сволочь! — заявила Маха, пиная сволочь в бок.

Изрядно отметелив несостоявшегося жениха, Маха принялась собирать вещи. Первым делом она выгребла из тайника все реликвии, потом отобрала несколько пластинок. После этого шпийка сняла со стены фотографию своего мужа, с досадой посмотрев на барабаны, ещё раз пнула стонущего немца и загрузила всё добро в сумку, прибавив туда ещё и любимый футбольный мяч Серёги.

— Гитлер капут! — на прощание сказала бывшему соседу Маха и скрылась за дверью.

★ ★ ★

Темнело.

— Всё, — сказал Жилинский, посмотрев на часы. — Через полчаса атакуем.

Приказ быстро разлетелся по Жуковке. Все желающие громить партизан собрались на окраине, остальные же сослались на различные недомогания, показывая даже справки, выторгованные у доктора за самогон. Единственным действительно больным был Хоменков, который заявил, что его избил отряд

партизан, пробравшийся в Жуковку и укрываемый Махой. Спецагент лежал в больнице весь синий и с переломанной рукой.

— Итак, солдаты,— обратился к собравшимся Жилинский,— вам выпала великая миссия — очистить лес от партизанской заразы. Сколько крови попили они у сынов Германии! Вперёд же, нападём на ничего не подозревающих врагов нового порядка, втопчем их в грязь!

Откуда командир мог знать, что Маха уже предупредила партизан? В лагере остался только небольшой отряд, призванный продемонстрировать видимость обороны, а потом отойти. Основные силы ушли дальше в леса, а ещё один небольшой отряд, возглавляемый лично Каппой, направился громить предателя — Мазая! В отряде этом кроме командира был ещё Лёха Шипицин, быстро выздоровевший Бэк и Маха, упросившаяся с Каппой. Отряд в доме Мазая самого предателя, естественно, не нашёл. Зато Лёха с Бэком героически стырили бочку с самогоном, благо алкоголя оставалось в ней не более тридцати литров. Для переноски столь ценного приобретения у деда же была позаимствована тачка. Дом хотели поджечь, но после веских доводов Лёхи о том, что в лазарете отряда ещё понадобится спирт для дезинфекции, делать этого не стали. Вскоре небольшой отряд, громыхая тачанкой, отправился восвояси.

Тем временем немцы подошли к лагерю.

— Вперёд! — заорал Жилинский, выбрасывая руку в направлении партизан.

Первыми в атаку бросились Димас с Чиком. Все в чёрном, в одинаковых сапогах-ботинках, в фирменных меховых фуражках они были ужасны. Начищенные шмайстеры сверкали в немногочисленных лучах заходящего солнца, пробивавшихся сквозь полог леса. За бравыми СС-овцами брёл Хазу. Вид он имел жалкий, так как после распития с друзьями фляги самогону, он в одиночку прикончил литровую бутылку. Пройдя около десяти метров, герой пал на мох и доблестно захрапел. Остальные немцы нерешительно топтались на месте.

Вскоре со стороны лагеря послышались выстрелы. Сквозь них доносились выкрики партизан: «Жилинский — ЧМО!» — орали они. Командир нахмурился — один из голосов подозрительно напоминал Димаса.

Но вскоре ободрённые тем, что выстрелы всё ещё не прекратились, остальные немцы бросились в атаку, потрясая оружием.

Жестокий бой очень быстро закончился. В результате лагерь был взят, правда самих партизан в нем не было. Потери были небольшими. Пропали без вести Димас с Чиком, да взорвался на собственной гранате рядовой Мопс.

Самым интересным трофеем оказалась клетка с заточенным в ней WW. Того, видимо, пытали, потому что он был абсолютно безумен. Разведчик метался по клетке, грыз деревянные прутья и норовил дотянуться до обступивших его соратников. Выпустить его на волю никто не решился, и Жилинский лично пристрелил несчастного из именного пистолета, после чего наградил его посмертно Железным Крестом.

Немцы благополучно отошли в Жуковку. Через полгода, в сентябре, этот же отряд выбил их оттуда, но это уже другая история.

ЭПИЛОГ

Мазай встретил утро в лодке. Вот уже трое суток он спасал зайцев, и это было просто чудесно. Сейчас он закончил свою миссию, и лодка его была сплошь покрыта серой копошащейся массой.

— Зайчики мои,— прослезился дед, налегая на весло.

Внезапно утреннюю тишину разорвал выстрел. Один из зайцев упал. Дед бросил грести и поднял за уши тушку, внимательно её разглядывая.

— Латышские стрелки,— наконец, многозначительно изрёк он, засовывая дохлого зайца за ремень.

Дед на всякий случай бросил в лес гранату, не забыв на этот раз вынуть чеку, и погрёб дальше.

Вскоре на правом берегу ему открылось удивительное зрелище. На небольшой полянке лежало вповалку шесть человек. Трёх дед признал сразу — это были партизаны. Два его давешних конвоира валялись в обнимку с какой-то девкой, которая держала в руках футбольный мяч. Тут же примостились два фрица в страшных сапогах, один из которых зажал в окоченевшей руке винтовку. Поодаль валялся знакомый Мазая курчавый командир партизан, на груди которого покоился шмайстер, а рядом валялась пустая бутылка из-под фанты. Поодаль лежала куча какого-то барахла. Там виднелись: арифмометр, какая-то фотография, книги, несколько пластинок и ещё чёрт знает что.

— Всех порешили,— выдохнул дед, стягивая с головы ушанку.

Но не тут-то было. Каппа зашевелился и застонал, и дед понял, что лежащие на поляне спят после грандиозной пьянки. Только тут Мазай заметил в траве раскиданные стаканы, которые показались ему смутно знакомыми. И тут он увидел. В лесу стояла его бочка на его тачке, и стаканы тоже были его!

— Ах, сволочи! — дед нахлобучил ушанку обратно и дрожащими пальцами снял с плеча шмайстер. К сожалению, гранат больше не осталось.

Первая очередь прошла слишком высоко, однако все обитатели полянки мигом проснулись. СС-овцы схватились за оружие, впрочем, как и Лёха Шипицин, Маха распласталась на земле, а Бэк, что-то вереща и прикрывая руками голову, пополз в лес. Каппа сделал то же самое, только полз он к реке и, достигнув её, принялся жадно пить грязную воду Десны. Завязалась перестрелка.

У Мазая патроны быстро закончились. Он так ни в кого и не попал. А вот его дела были плохи: несколько зайцев были мертвы, а лодка, продырявленная в нескольких местах, уверенно наполнялась водой.

— Хватит! — взмолился Мазай, чаля к берегу. Стрельба прекратилась.

Вскоре лодка ткнулась носом в берег, и уцелевшие зайцы, отпихивая друг друга, бросились в лес.

На деда были направлены три дула.

— Да будет вам, ребята,— миролюбиво поднял руки дед.— Щас вот зайчатинки пожарим, да с самогончиком...

— Мы щас тебя самого пожарим,— мрачно пообещал Лёха Шипицин, опуская, впрочем, винтовку.— Да ладно уж, пошли.

Буквально через час на полянке весело трещал костёр, на котором шипела заячья тушка, а обитатели её приветствовали деда Мазая — великого спасителя зайцев — громким звоном стаканов...